

В ПОЛОСЕ НАСТУПАЮЩЕЙ РЕАКЦИИ

«Притчи и видения» предназначались автором для журнала «Искра». На полях первой страницы рукописи, сохранившейся в бумагах писателя, взятых при его аресте в 1866 г., написано карандашом слово: «Искра», а затем чернилами: «В. Слепцов а». Под текстом зачеркнута подпись: «В. С—в» и дата: «Москва. Февраль 1862».

Рукопись в основе своей беловая, но позднее Слепцов вернулся к работе над ней и местами превратил ее в черновую. Исправления, сделанные им чернилами и карандашом явно в несколько приемов, имеют автоцензурный и стилистический характер. Новая редакция статьи осталась незаконченной, работа над ней была брошена Слепцовым, поэтому мы публикуем первоначальный текст, приводя под строкой лишь значительные варианты.

Перед нами один из наиболее трудных образцов эзоповой речи писателя. Не ставя перед собой задачу разгадать все иносказания этого произведения, расшифровать каждый образ, каждую деталь, мы предложим лишь свое толкование общего смысла публикуемой вещи.

Автор рисует аллегорическую картину современного состояния страны и общества. При этом им дважды используется добролюбовское обобщение глубокой отсталости и бесправия тогдашней русской жизни: «темное царство».

Основную мысль произведения помогает раскрыть запись на полях рукописи: «Пр. Сол. XXVI. 11» (книга притчей Соломоновых, притча XXVI, стих 11). Находим указанное место в Библии и читаем: «Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою». При помощи этого изречения Соломона Слепцов, по-видимому, хотел указать на то, что страна, вступив после краха революционной ситуации 1859—1861 гг. в новую полосу реакции, как бы возвращается к прошлому. Об этом же идет речь в наброске, сохранившемся в бумагах писателя: «Черная ночь висела над городом...» (см. этот набросок ниже, стр. 377). В наброске создана фантастическая картина унылой, туманной ночи. Что-то страшное чудится во мраке, слышатся жалобные стоны, сдержанный шопот, проклятья. В памяти рассказчика возникают «томящие звуки каких-то давно забытых песен», неясные образы манят его куда-то; но какая-то сила толкает его назад, звуки и тени исчезают, отчаяние овладевает им. Набросок этот по форме близок к «Притчам и видениям»; некоторые зачеркнутые строчки даже прямо повторяют соответствующие места этого аллегорического произведения: «я был схвачен», «перенесен духом в святилище наук и поставлен у входа».

В эзоповской форме характеризуется в «Притчах и видениях» период реформ. Сравнение: «Как во дни Соломона-царя», — позднее используется Слепцовым и в повести «Трудное время». Приведем это место: «— Да; вот, говорят, во дни Соломона, — сказал Рязанов, — жить было хорошо: всякий сидел под кущей своей и под виноградом своим, а царь Соломон сидел на престоле и судил всех сам. Ни споров, ни драк в то время не было» (II, 92).

Писатель воспроизводит в «Притчах и видениях» пору неумеренного ликования, либеральных славословий Александру II — «Великому и сильному и могучему богатырю Еруслану Лазаревичу!» Здесь Слепцов пародирует либеральную журналистику, охотно пользовавшуюся фольклорными образами, воздавая хвалу народному «освободителю»: «Перед нами воочию сбываются чудеса старинной сказки (<...> От магического прикосновения русского богатыря просыпается царевна — русская свобода» (статья «Современная радость России». — «Отечественные записки», 1861, № 3, стр. 26).

На полях рукописи «Притчи и видения» при позднейшей правке Слепцов обозначает цифрами границы трех эпизодов — «видений»*.

В первом — перед читателем предстает образ огромной страны, богатой и мощной, но узурпированной антинародными эксплуататорскими силами, «саранчей».

* В рукописи, ближе к концу, против абзаца, начинающегося словами: «Видел я обширный город...», Слепцов вновь ставит на полях цифру «1». По-видимому он хотел перенести это место в первое «видение».

В СОВЕТЕ ВРАЧЕЙ

Карикатура. Гравюра П. Куренкова
с рисунка Н. А. Степанова

«Искра», 1861, № 32

Здесь же дается характеристика охранительной «идеологии». В обществе насаждается официально-казенный патриотизм: «О, сколь сладок и приятен смрад отечества!..»

Второе «видение» — сцена в «святилище наук» — раскрывает враждебность верхов общества к подлинному просвещению (при сохранении видимости покровительства ему), равнодушие к великим событиям и героям национальной истории.

Третье «видение» — сцена в горнице, где сидят «разные должностные лица», — воссоздает атмосферу деспотизма, чиновничества, угодливости как характерных черт политического быта общества, придавленного самодержавием. В условиях бесправия и беззакония люди легко идут на компромиссы и сделки; развращаются даже искренние ранее поборники правды, «наставники юношества». Далее обличается проповедь социального смирения, с которой правящие классы обращались к трудовым массам и одновременно великодержавно-националистические лозунги царистской реакции: «Покоряйтесь, языцы, яко с нами бог!» Напомним, что этими словами из книги пророка Исаяи (гл. VIII, стих 9) заканчивался манифест Николая I, изданный по поводу усмирения венгерской революции 1848 г.; они вызывают чувство глубокого омерзения у автора «Притч и видений».

Заключительные эпизоды «Притч и видений» содержат размышления Слепцова о продолжающемся тяжком сне страны и народа. Перед автором предстают образы «забытых людей», быть может, образы ушедших из жизни, погибших в снеговой сибирской каторге борцов за дело народного освобождения. Вместе с тем здесь же в образах «рассвета» и «поющих петухов» выражены надежды писателя-демократа на неминуемое пробуждение страны и общества.

ПРИТЧИ И ВИДЕНИЯ

В ночи на 9 число февраля* месяца сего 1862 года было мне видение некое. Видел я обширное поле, заключающее в пределах своих семь морей, многие славные города и веси, многоводные реки и озера, изобильные рыбою. И представилось глазам моим великое множество спелой пшеницы, растущей на том поле, и удивился я тучности колосьев. Но в это время налетела саранча, покрыла все поле, пожрала пшеницу и, подобно туче, поднялась над полем и помрачила солнечное сияние. Когда же саранча улетела, то на месте ее остались только кучи непотребных вещей, поразивших обоняние мое смрадом неопианным.

Удушася зловонием, я направился в бегство, но чем дальше бежал я, тем более вязли и скользили ноги мои и тем более удостоверился я в том, что кучи покрыли все поле до самого моря. Усталый, изнеможенный я остановился, чтобы перевести дыхание, и вдруг стал примечать, что кучи начинают двигаться и принимать человеческие образы; из больших же куч воздвигаются здания, подобные темницам; всматриваясь в эти образы, я, к удивлению моему, заметил, что они ходят, кланяются, сеют, купно деют, собирают в житницы, женятся, плодятся и размножаются, как обыкновенные люди, и притом вовсе не замечая исходящего от них смрада и даже принимая его за благоухание. Многие из них, упоенные зловонием, воздымали руки и восклицали, бия себя в грудь: «О, сколь сладок и приятен смрад отечества!..»

Но в это время молния упала на землю и опалила языки восклицавшим, раздался трубный звук, двери присутственных мест с превеликим шумом отворились и оттуда послышался глас, заглушаемый рыканием, подобным львиному. Глас воскликнул трижды: «Слава тебе, великому и сильному и могучему богатырю Еруслану Лазаревичу!..» Львиное же рыкание уподобилось звуку свирели, поющей: «Слава тебе, кулику! Слава тебе, тетереву! Слава!..» — и видение исчезло.

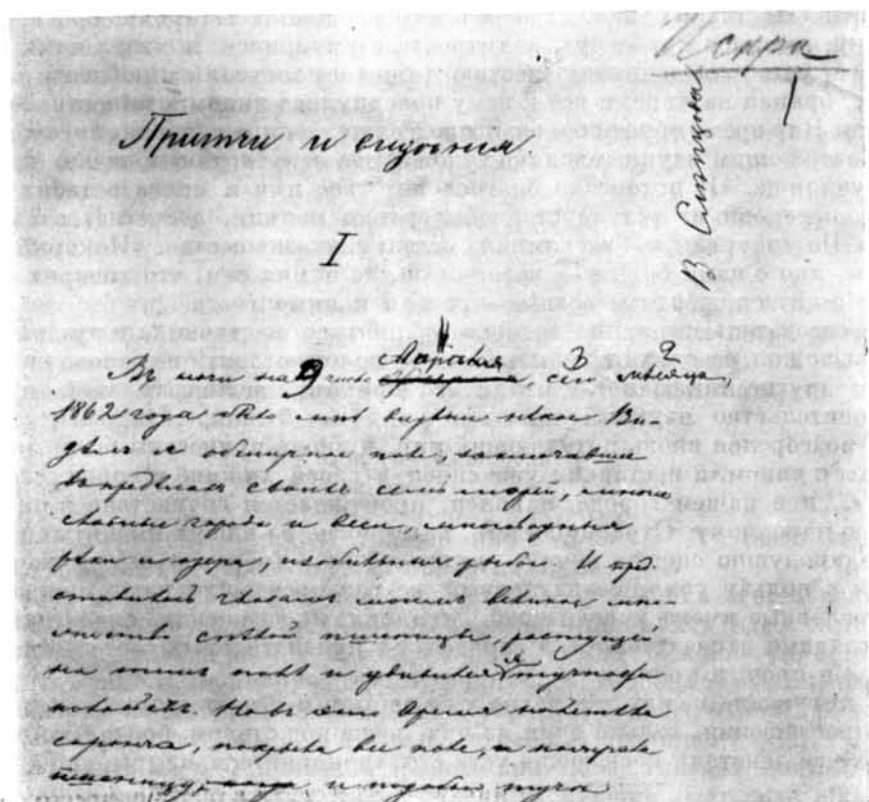
И во мгновение ока был я перенесен в святилище наук и поставлен у входа; и видел, как отворились двери и входили мужчины и женщины в пышных одеждах, упитанных благовониями; лица их были озабочены и бледны, как будто они несколько дней оставались без пищи. Все эти мужчины и женщины, войдя в обширную храмину, садились по местам. Перед ними стояла кафедра, но на ней никого не было. Женщины смотрели друг на друга одни с завистью, другие с презрением, но хотели казаться равнодушными. Были тут и старые, но так искусно раскрашенные, что издали их можно было принять за молодых. Мужчины же смотрели на женщин и выгибали кольцом руки или поднимали плечи, стараясь им нравиться. Некоторые поправляли себе и без того хорошо причесанные волосы, показывая при этом дорогие перстни. Впереди всех стояли юноши, хотевшие казаться старцами, и старцы, хотевшие казаться юношами; а потому первые прихрамывали и морщили брови, вторые же резвились и брыкали ногами, как молодые козлы. Тут же находились люди в воинской одежде с доспехами бранными и нарочно гремели оружием для того, чтобы все их видели и боялись.

Но дверь отворилась, вошел человек с книгою и сел на кафедру; тогда все умолкло и приготвоились будто слушают, а человек с книгою начал читать. Читал он долго и красноречиво, переносился мыслию в века давно минувшие и воскрешал погребенные в них события; могучее слово его пробуждало великие тени героев; народы и царства вставали и вновь разрушались, и никто этого не заметил, потому что женщины были склонны больше к плясанию, и нежные уши их были завешаны золотом,

* Позднее исправлено на: апреля.

мужчины же старались показать женщинам, что они гораздо умнее читавшего и давно знают все науки.

И когда чтение кончилось, то женщины уже знали — какое платье на ком было надето, а мужчины не знали даже и этого; и хотя никто друг другу не верил, но тем не менее каждый старался уверить другого, что он слушал и понял все, что было читано. Пораженный таким зрелищем, я подошел к одному из этих людей и хотел было спросить, зачем они сюда

ПЕРВЫЙ ЛИСТ БЕЛОВОЙ РУКОПИСИ СТАТЬИ СЛЕПЦОВА
«ПРИТЧИ И ВИДЕНИЯ», 1862 г.

Архив Октябрьской революции, Москва

приходили, но в то же мгновение был я восхищен духом и несен в другое место, в один дальний угол русского* царства, и глазам моим явилось такое зрелище.

В небольшой горнице на столе были приготовлены яства и сосуды с вином, а вокруг него сидели разные должностные лица и сквернословили, другие же целовались, потому что все они были очень пьяны и сами не помнили, что делали. Некоторый доблестный старец, украшенный сединой и другими знаками отличия, в поучение юношам хвастался тем, что умел лучше всех воскурять фимиамы, и притом показывал в назидание пирующим спину свою, гибкостью уподобившуюся тростнику, растущему на берегу, говоря, что за эти доблести был взыскан милостями многими. Другой же самодовольно повествовал о том, как он разорил не одного мирного селянина. На первом месте сидел главный корчемник, и все ему

* Позднее исправлено на: темного.

поклонялись, а на последнем — наставник юношества, и никто на него не глядел.

И был пир как бы в половине пира, многие сосуды опустели и многие из пирующих лежали, как бы мертвые, когда смиренный наставник встал с своего места, униженно поклонился всем и просил позволения сказать слово. «Говори!» — отвечали ему. И начал он горькую повесть о скорби народной, об алчущих и жаждущих правды, о пище духовной, о сеятеле и плевелах; но все пирующие глумились над ним, и никто не хотел его слушать. Наставник, видя, что речь его уподобилась гороху, бросаемому в стену, решился прибегнуть к хитрости и умудрился: помазал язык свой медом и уста свои наполнил лестию и стал он восхвалять доблести пирующих, бряцая на лире; и все к нему повернулись лицом и милостиво улыбались. В то время обратился он к председателю пира и, сравнив его с солнцем, озаряющим науки и всякие художества, искусно повел речь о народном училище. «И потомство благословит твоё имя и молва о твоих деяниях, переходя из уст в уста с быстротою молнии, достигнет славного града Петербурга...» — восклицал наставник юношества. «Покоряйтесь, языцы, яко с нами бог!» — возопил он, не помня сам, что говорит. «Покор-р-р-яйтесь, чёртовы дети!» — ревели пьяные гости...

Председатель пира прослезился, облобызал наставника и тут же первый выложил на стол от избытка своего золотую лепту на основание училища; другие также последовали его примеру, желая выказать и свое покровительство наукам.

И возгорелся вновь потухающий пир, и вновь принесены были многие сосуды с вином, а наставник уже сидел в своей хижине и торопливо писал: «... и в нашем городе, наконец, пробуждается сочувствие к просвещению народному. Отраднo видеть, как многие из наших именитых граждан единодушно спешат помочь святому делу. Добровольные пожертвования в пользу училища на первый же раз превзошли наши ожидания. Достославные имена учредителей рассадника просвещения, смеем думать, неизгладимо запечатлеются в сердцах их признательных соотечественников...» и проч. и проч. ...

А пирующие между тем давно уже забыли и о наставнике, и о народном просвещении, только один из них, лежа под столом, болтал ногами и долго еще лепетали коснеющие уста его: «покоряйтесь, языцы, яко с нами бог».

И опять унесен я был в новое место, и новое зрелище представилось глазам моим.

Видел я обширный город, стоящий на берегу реки*, и никак не мог припомнить, где я видел его прежде. Все мне в нем было знакомо и все напоминало давно прошедшее детство. Благодичиние и порядок царствовали в том городе, на улицах была тишина невозмутимая и даже собаки не смели лаять, дабы не потревожить бреханием любимого начальника. Мирные граждане с спокойной совестью исполняли все свои обязанности и каждый старался только о том, дабы начальник был им доволен. Каждый сидел под сению своею и под виноградом своим, как во дни Соломона-царя; даже блудницы казались чистыми, яко голуби, станковые же** — мудрыми яко змии. Гражданские чины неусыпно пеклись о святости законов; торгующие люди продавали свои товары самой дешевой ценою, трепеща ежечасно страшного дня судного, а воинские же стражи денно и ночью с оружием в руках охраняли жителей от лютой врагов.

* Позднее далее зачеркнуто до слов: дабы начальник был им доволен, а вместо этого написано: храмами многими, а пуще того добродетелями великими изукрашенный, доблестью мужей своих и смирением граждан прославленный. И был тот город подобен...

** Позднее исправлено на: законники же и судьи

Невыразимое чувство спокойствия разлилось в моем сердце, и я было уже направился к реке, дабы убедиться, не молочная ли она, не из киселя ли берега ее, как вдруг дверь начальничьего дома отворилась и из нее вышел предводитель гражданских стражей (но одежда на нем была воинская) и устремился в первый попавшийся дом. Таким образом, ходил он из дома в дом, раздавая какие-то билеты и отбирая взамен разные золотые и серебряные монеты. Пришел он и на торжище и тут делал то же, и только что произносил какие-то слова, как каждый с радостью спешил отдать последние деньги и свою лепту пожертвовать на общее дело. Предводитель гражданских стражей обошел все заезжие дома и повсюду встречен был умильными лицами граждан, и слезы, чистые слезы, как утренняя роса, струились по щекам их.

Но тут случилось со мною что-то непонятное: я вдруг почувствовал глубокое омерзение ко всему, что было у меня перед глазами, какую-то тошноту духовную...

— «Ложь! ложь», — шипел кто-то у меня над ухом*. «Злодеи, рабы презренные и лукавые, — крикнул чей-то голос. — Будьте вы прокляты отныне и вовеки!..»

Что же это такое? — подумал я, и в то же время мне показалось, что я поднимаюсь на высоту, а подо мною растет и все шире и шире расстилается какое-то великое темное царство, но по причине мрака я ничего не мог рассмотреть, что там делалось, только я мог слышать, что чей-то отвратительный, сиплый голос пел там внизу:

На заре ты ее не буди!

На заре она...

— Кто ж это спит? — вдруг пришло мне в голову. — И отчего же это не надо будить?! — Страх и ужас овладели мною.

А голос пел и все пел и, казалось, сам заслушивался своего пения. Тяжкое сновидение давило мозг мой. Я силился припомнить, где я слышал такой голос прежде, и не мог. А голос все пел. И под это пение что-то поднялось во мраке и, не пробуждаясь, отряхнулось, подобно тому, как отряхается зверь, почувывая приближение утра. И в то же мгновение слабый свет озарил этот мрак, и я увидел страшное зрелище.

Годы и события в бесконечной дремоте шли перед глазами моими, точно страницы знакомой книги; давно навеки заснувшие люди, как живые, проходили мимо и, будто уносимые ветром, сменялись другими. И чудилось мне, что и они знали эту песню и их усыпила она навсегда. Вдруг пошатнулась снеговая поляна и из сугробов поднялись забытые люди и, не просыпаясь, занесенные снегом, с неподвижными глазами безмолвно двинулись куда-то. Но с горы опустился туман и все гуще и гуще стал затягивать видение, все тише и тише слышалась песня, забелел восток и начали понемногу сквозь рассветную мглу выступать передо мною какие-то нежные очертания улиц, домов и колоколен.

Застывшая река мелькнула между ними; кровли обвалившихся дворов, колонны и потускневшие окна величаво поднимались из кучи лачужек; ветхая крепость с пестрыми соборами и облупившимися башнями показалась на пригорке; густой колокольный звон смутно носился в воздухе и раскатился над городом; петухи где-то заливались, да так-то усердно...

Москва. Февраль 1862.

Автограф. ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 183, лл. 1—8.

* Позднее далее написано: «Ложь безобразная и бессовестная! Ложь, отравившая младенца в молоке матери».